

Минимы, или Буря в тарелке минестроне

Перевод СЕРГЕЯ МОРЕЙНО

Не доел в кафе кусочек хлеба. Поскольку кризис меня уже коснулся, завернул хлеб в салфетку и сунул в сумку. Когда пришел домой, хлебного ломтика в сумке уже не было. Куда он делся? В следующий раз положу в нагрудный карман.

Подходишь к окну, чтобы задернуть шторы. Не хочется — а хочется еще немного посмотреть во двор, хотя днем он тебя не так чтобы интересовал. Ну и что ты там выцепишь — какого-нибудь прохожего, пару кошек, траву или снег.. Деревья кучкой, всё те же, день за днем. Но стоит начать думать об этом, как выступают слезы.

Есть песенка, в которой поется: "...А ну-ка, давай-ка, плясать выходи!" Строчка эта провоцирует забавные ситуации. В родильном отделении озорная акушерка орет, принимая роды: "...А ну-ка, давай-ка, плясать выходи!" Однажды у одного работника кладбища, пока гроб опускали в могилу, выпал из нагрудного кармана мобильный и закатился куда-то под гроб. И тут же зазвонил, засранец. А мелодия — ни много ни мало "...А ну-ка, давай-ка..." Достать телефон нельзя, и могильщики в лихом ритме песни взялись стремительно засыпать могилу, так что не успел он отзвонить, а гроб закопан.

Copyright © "Minimas"

© СЕРГЕЙ МОРЕЙНО. Перевод, 2019

Рассказы публикуются с любезного разрешения автора.

В последнее время спрашиваю у курильщиков, что у них с перцепцией языка. На пачках жутковатые надписи: “Курильщики умирают молодыми”, “Курение причина гангрены ног” и т. д. и т. п. Разве язык утратил значение? Или надписи врут? Но тогда их сочинители должны предстать перед судом; как минимум за нанесение ущерба моральному здоровью. А если не врут, то что бы не переложить сигареты в портсигар — спокойствия ради?

Поинтересовался у двух писательниц, которые в тот момент со вкусом курили. Одна сказала, что выбирает пачки именно с надписью “Курильщики умирают молодыми”, ибо к ней это уже не относится. Думаю, что же скажет вторая, она то определенно еще юна. Не моргнув глазом, отвечает по существу: “Я покупаю те, на которых написано: ‘Курение снижает качество зякулята’”.

Возразить было нечего. Как минимум, в языковом аспекте.

Когда я появляюсь на рынке, многие мужчины под мухой и женщины подшофе желают со мной дружить. Кажется, я привлекаю людей. Но конкуренцию с моим давно покойным учителем физики из Елгавы Эдуардом Рудзитисом вряд ли выдержу. Он был весьма галантен, несмотря на то, что хромал, а по пьяни кричал. Страшнее всего он кричал в ванной, долго оттуда не вылезая. Так долго, что соседи с нескольких этажей начинали разными предметами стучать в его дверь. Говорят, Эдик был хорошим волейболистом, но повредил бедренную кость и всю жизнь боялся лечь на операцию. А что касается сверхспособностей, он не раз рассказывал мне, как в детстве пас коров. Едва присядет отдохнуть, как все стадо тотчас обступает его кругом. *Esse homo!*

Даже Спаране спрашивает меня, помню ли я день 1 сентября 1987 года, когда, к примеру, Гундарс Игнатс пошел в школу. По счастливому совпадению, помню. В тот день, умиленный детьми, направляющимися в школу, решил сам сделать нечто важное. Неплохо бы, скажем, перестать пить. Поехал на Аптечную улицу к врачу, фамилию не вспомню, и сообщил о своем героическом намерении. Мы обсудили разные способы, под конец он ссыпал мне в ладонь разные таблетки — витамин РР и прочее, — велел заодно десять дней подряд являться на уколы, что я старательно исполнял, пока жизнь опять не сошла с рельсов на кривую дорожку. Выйдя из кабинета, заметил в очереди симпатичную женщину. Может, пленить ее — заодно? Достал из сумки чистый лист А4 и попросил ее свернуть мне кулек, чтобы всыпать в него таблетки из горсти. Покуда вождьсленная принцесса довольно неумело мастерила кулек, я успел рассказать, что пишу стихи. Впечатление было произведено. Она сказала задумчиво: “Какие талантливые люди сюда приходят! Ведь Раймонд Паулс тоже лечился!”

Есть сладкие, дивные и дивные-на-Праздник-Песни женщины. Есть от рождения славные и славные-на-Янов-День мужчины. Ес-

ли дивная-на-Праздник-Песни женщина и славный-на-Янов-День мужчина поженятся, то проживут вместе от силы год-два.

С легким недоумением гляжу на людей, утверждающих, что кризис открывает максимальные возможности. Впрочем, если учесть, что все в жизни происходит за чей-то счет, сие не кажется нереальным. Что вдоль, что поперек — квадратно. Думаю, речь не о черном квадрате, скорее, о светлом. Знаете, как родилось знаменитое произведение Малевича? Художник увидел во сне черный ранец на спине гимназиста, уходящего по снегу вдаль — покидая все и всех на свете, пока не треснет лед и он не утонет.

Случается нередко и в наши дни: ты что-то делаешь и даже сделаешь, но в связи с кризисом это уже никому не нужно. Уместно вспомнить тут девушек усердных, что годами послушно-прилежно ткали-вышивали себе приданое. Некоторые замуж так и не вышли. Но после — после их смерти — все доставалось родне. Не вхолостую, сталбыть.

Роясь в англо-латышском словаре, пришел в некое замешательство на букве F. Обнаружилась проблема — доставало семнадцати страниц. От *femoral* до *flared skirt*. Экземпляр, изданный в “Яня сета”, был словно специально для меня создан. От “бедренного” до “расклевшенной юбки”. Такая лакомая лакуна в этом словаре.

Говорят, министр земледелия Дуклавс не знает английского, так что ему будет нелегко рассуждать о *брюссельской капусте*. Зато он похож на большого игрушечного мишку, которого земледелец, идя спать, может взять с собой в постель, чтобы вместе с мишкой-министром грезить о лучших временах. Один игрушечный мишка на всех латышских крестьян.

Поражают итальянцы. В чудном городке Орвието находится колодец глубиной более шестидесяти метров, куда с энтузиазмом спускаются туристы, мы в том числе. Я в ауте, ведь неподалеку землетрясение, а колодец работает. Ну и мы не пылим, раз так.

Мы, латыши, добрались до Ватикана, нам предлагают сдать оружие. Я бросаю в черную корзину ножичек из елгавской “Максимы”, мой спутник Аустрис — купленный в Сан-Марино. Входим в Ватикан, рассматриваем творения Бернини, римских пап в исполнении менее известных ваятелей... И тут две скульптуры повергают меня в шок. Одна — это папа с 1922-го по 1939 год, другая — с 1939-го по 1958-й. Не самые великие папы, Пий XI и Пий XII, но со скульптур на меня неожиданно обрушивается время их правления, включая ужасы Второй мировой. Еле живой выполз из собора.

После этой поездки я легко мог бы устроить сразу две фотовыставки. Если бы только... поработал над временем и средой. На первой — фото разнообразных типажей, бодро осматривающих Венецию, шагая вверх или вниз. На второй — жестикулирующие руки нашего римского гида Мариэллы. Даже зная, что через пять минут я смогу фотографировать Микеланджело, я вновь и вновь щелкал руки Мариэллы; даже одну ее руку, потому что другой она придерживала сумочку. Пока и эта рука не остановилась.

Не обязательно становиться музейным работником, чтобы смотреть на картины. Хотя, конечно, некоторые преимущества это дает. Старая Европа как раз такой музей. Что мешало нам создать союз из десяти восточно-европейских стран с цветущей экономикой и собственной валютой? Тогда на эту валюту мы ездили бы в старый музей смотреть, пока глаза не лопнут.

Обсуждал как-то с подругой сходство между людьми и птицами. Сказал, что мать моего сына некогда походила на ласточку.

— А на кого похожа я? Есть же птица, на которую я похожа? — спросила подруга.

Я сказал:

— Ты тоже похожа на ласточку.

— Ну не может быть! Мы же с ней такие разные.

— Ласточки тоже не все одинаковы!

Сегодня за полдником мы решили, что “Танец мотылька” — это лучший фильм Ольгерта Дункерса¹. Ты сказала:

— Играть в кино — это совсем не то, что играть в театре.

Я согласился:

— Точно. Не играть в кино выходит у меня совершенно иначе, нежели не играть в театре.

Спросил одну даму, каких мужчин она предпочитает. Говорит, что лучше всего веснушчатые, только их почти нету. На втором месте священники, их пруд пруди. Ну, знаете ли, никакой системы у этой дамы!

Той ночью я спал абсолютно голым — без берушей.

Жизнь полна парадоксов. Могилы предков своих я навещаю варварски редко, а за границей, где море объектов для осмотра, я все-таки еду на чью-нибудь — сейчас вот Андрея Тарков-

1. “Танец мотылька” — художественный фильм режиссера Ольгерта Дункерса, снятый по мотивам рассказа Зигмунда Скуиньша “Карьера” на Рижской киностудии в 1971 году. В фильме талантливый молодой человек не брезгует никакими средствами ради достижения успеха. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

ского — могилу. Со встреченной в поезде Марией Сесиль из Камеруна — она, оказалось, едет на могилу Нуриева, — из Парижа в Сент-Женевьев-де-Буа.

Иногда людей сложно понять. Вместо того чтобы быстро бежать по улице, на свежем воздухе, они медленно бегут на месте в душном тренажерном зале — за деньги.

Сидим в Ицаве в бане у подруги по институту. Ее муж говорит одному из нас:

— Нет, ну не может быть, чтобы ты не потел. Ты потеешь. Просто здесь слишком тепло, и ты обсыхаешь.

Осведомился по телефону у коллеги, берет ли она с собой в поездку сало.

Спрашивает: “Что?”

Я: “Сало!”

Она: “Что? Не понимаю”.

— С-а-л-о!

Потихоньку зверею.

Говорит, чтобы сказал по буквам, но я не хочу по буквам. Я хочу либо злиться, либо... Но понимаю, что сала она точно не возьмет, иначе поняла бы меня с полуслова.

Молчу угрюмо. Она внезапно говорит: “Сало?”

Столбенею от того, что смысл слова дошел до нее по проводам.

— Что? — вырывается у меня.

Тогда она говорит: “Ну видишь, ты сам не слышишь”.

В музыке — симфонической или камерной, — периодически сочиняя что-либо к государственным праздникам, можно и не потерять себя. Но попробуй так в поэзии, раз в два года выдавая патриотические слова к тем же праздникам!

Весна. На улице и во дворах, как водится в это время года, двухэтажные коты. Но времена изменились. Тюльпаны в вазах стоят дольше, чем в моей юности. Молодые уехали, зато избыток пенсионеров. Все твердят, что были пассионариями. Коли было бы так, их не было бы так много.

Одно из наиболее ошеломительных заявлений, которое женщина может сделать мужчине:

— Я беременна.

Вариантов ответа немного. Радость. Смущение. Ураган чувств. Ты счастлив или наоборот. Что подобного женщине может заявить мужчина? Ничего. Пожалуй, только:

— У меня есть другая женщина!

И женщина может заявить то же самое. Итак, 2:1 в пользу женщин в этом мире.

Случилось так, что лет десять тому назад хотел познакомиться в интернете. В эротических целях. Под ником Нуф-Нуф — как у самого разумного поросенка из “Трех поросят”. Отношений — ни виртуальных, ни реальных — увы, не вышло. Зато я страшно сцепился с одной дамой, которая утверждала, что умнее всех не Нуф-Нуф, а Наф-Наф.

В дворе разговорился за полночь с двумя курильщиками. Доболтались до черта лысого: в частности, до того, что Латвии пора извиниться перед Россией — за то, что красные латышские стрелки помогли Ленину удержать советскую власть.

Рацион писателя небогат. Средства одного моего друга-литератора также имеют обыкновение быстро иссякать. Тогда на недельку-другую он переходит на кошачий корм. Это ничего, надо только использовать проверенный метод — есть кошачий корм с фарфора серебряными приборами, погруженным в сугубо интеллектуальные мысли.

Майя Лаукмане подарила мне как-то раз розовую тарелку. Я ел из нее сласти. Стал ее мыть. Тарелка начала лупиться, как будто в “Квартире” Шванкмайера¹. Думал, что схожу с ума. Ан нет — розовая бумага оказалась упаковкой.

В день памяти легионеров на Домской площади какая-то дева предложила мне красно-бело-красный флажок. Сама же охотно приколотла его мне на куртку. С этим флажком я прошел сквозь ряды оцепления, наблюдал скучающий в автобусе спецназ, видел заполненный полицейскими “Макдоналдс”... Зашел в Оперу и попросил два билета на *Dirty Deal Teatro* на следующую среду. На всякий случай спросил, что дают. Касирша, не отводя взгляда от моего флажка, сообщила:

— Постановка называется “Почему я люблю русских”.

— Два, пожалуйста, — сказал я.

На Рождество в одном из павильонов Центрального рынка видел такие толпы, что сделалось почти жаль, что часть их не уехала в Англию или в Ирландию.

В этой книге сам я не вижу большой мудрости, хотя вне ее написания нередко предаюсь глубоким (?) интеллектуальным раздумьям. Однако же меня не покидает уверенность в том, что своя и чужая глупость многому учат. Эразм-из-Елгавы, а что?

1. Ян Шванкмайер (1934) — выдающийся чешский кинорежиссер, сценарист и аниматор, ключевое влияние на творчество режиссера оказали события 1968 года в Чехословакии. “Квартира” (1968) — короткометражный фильм ужасов, о борьбе между человеком и его ожившей квартирой, ограничивающей его свободу.